

Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія
лю, как можно больше приблизить уровень исследования к «реальности» и максимально удалить его от «относительности» [1, с. 184].

Другим весомым теоретическим аргументом в пользу значимости и плодотворности исторических исследований является то, что история, как наука, выполняет важную социальную функцию. В идеале история трактуется как вербализованная память человечества. Создание истории, по сути, необходимо для осмысления нашего существования во времени, нужного для определения своего места в мироздании. Фундаментом исторических нарративов является тот факт, что люди им не просто верят, но они воплощают их, т. е. действуют на их основании. Поэтому можно придерживаться разных точек зрения относительно убедительности одних нарративов и безосновательности других. Но поскольку исторические нарративы формируют социальное действие – непрерывную линию, проходящую через прошлое, настоящее и будущее, то их эпистемологический статус оказывается довольно высоким.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*: 1) позитивистская парадигма в истории в настоящее время утратила свои позиции в связи с лингвистическим поворотом и основанной на нем постмодернистской критикой; 2) однако постмодернизм в силу присущего ему крайнего релятивизма не может сохранить эпистемологический статус истории как гуманитарной науки; 3) в связи с этим необходим поиск новых подходов к историческому исследованию на позициях конструктивизма.

Библиографические ссылки

1. **Тош Д.** Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М.: Мир, 2000. – 296 с.
2. **Тош Д.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Д. Тош. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.
3. **Филюшкин А. И.** Историческая наука в XX веке. Лекция / А. Филюшкин. – Режим доступа: <http://www.novist20w.narod.ru>.
4. **Шильман М.** Онтологическое многообразие прошлого / М. Шильман // Науковий вісник Чернівецького університету. – Вип. 350–351. Сер. «Філософія». – Чернівці: Рута, 2007. – С. 83–89.
5. **Carr E. H.** What is History? / E. H. Carr. – Penguin, 1964. – 128 p.
6. **Elton G. R.** The Practice of History / G. R. Elton. – Wiley-Blackwell, 2002. – 224 p.
7. **Jenkins K.** Rethinking History / K. Jenkins. – London: Routledge, 1991. – 77 p.

Надійшла до редколегії 27.02.2012

УДК 17.02

ПРОБЛЕМА ДИНАМИКИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Розглянуто проблему динаміки гендерної ідентичності у сучасному просторі.

Ключові слова: гендерна ідентичність, фемінінне, маскуліне, гендерний стереотип, соціокультурний конструкт.

Рассмотрена проблема динамики гендерной идентичности в современном мире.

Ключевые слова: гендерная идентичность, фемининное, маскулинное, гендерный стереотип, социокультурный конструкт.

The Problem of gender identity dynamics in modern social – philosophy discourse is analysed.

Keywords: gender identity, masculine, feminine, gender stereotypes, socio-cultured construct.

Наша гендерная идентичность произрастает из детской социализации. В зависимости от нашего пола мы подвергаемся социокультурному воздействию. Мальчики воспитываются в соответствии с общепринятым понятием маскулинности, а девочки – феминности. Условность гендерной идентичности настолько всеобъемлюща и укоренившаяся, что воспринимается обществом как естественная. Девочки формируются с соответственным набором черт феминности, а мальчики вырастают в соответствии с заложенными во всех институтах воспитания маскулинными чертами. В юности одобрение сверстников особенно мощно в процессе формирования гендерной идентичности, потому что одобрение «своих» в бинарно противоположном мире «родители – дети» более важно, чем угождение родителям, преподавателям.

Каждая группа подростков стремится одеться, разговаривать, вести себя и думать одинаково в пределах этой группы. Любое отклонение от устоявшейся нормы вызывает негативное отношение. Подростки социализируются большей частью в так же половых группах: мальчики общаются с мальчиками; и девочки общаются с девочками. Далее, все виды командных, организующих видов развлечений, в том числе спорт, превращают «мякотелых» мальчиков в настоящих «мачо».

Спорт также часто способствует воспитанию жесткости, агрессивности, хвастливости, насилия, иерархичности в отношении с оппонентом, а в бинарном обществе «я – Другой» это поведение переносится на осознание всей модели жизни и является мощным модулятором идентичности личности. Служба в армии, как дисциплинарная

практика института власти государства, также нацелена на создание черт истинного мачо, жесткого, стоического, грубого, воинственного, стремительного, безрассудно смелого, разрушительного, бесстрастного, безжалостного, карательного, мощного, действенного, иерархического, требовательного, агрессивного, мальчика., который в детстве увлекался исключительно механическими игрушками.

Но, с другой стороны, лучшие системы образования помогают мальчикам и девочкам стать более устойчивыми, самоуверенными, решительными, независимыми, активными, предприимчивыми, целенаправленными, добросовестными, инициативными, организованными, надежными, изобретательным, творческими, здравомыслящими, объективными, рассудительными, прозорливыми, рациональными, компетентным.

Индустрия моды закрепляет так называемые «прикорбные» качества, присущие понятию «фемининность», а именно: покорный, подчиненный, почтительный, пассивный, кроткий, слабый, уязвимый, хрупкий, искусственный, поверхностный, декоративный, рафинированный, легкомысленный, кокетливый, застенчивый, сексуально пассивный, и способствует приникновению именно этих качеств в понятие «фемининный», в понятие «красота», а значит, формирует гендерную идентичность.

Но как только мы осознаем, как наша культура формирует нас, мы можем взять ответственность за формирование и переформирование гендерных стереотипов.

Так, изучение и вдохновение прекрасными видами искусств могут помочь нам больше прислушиваться к своему мнению, стать более духовными, артистичными, выразительными, искусственными, уравновешенными, изящными. Мы можем также все более и более раскрывать свою внутреннюю сущность, культивируя в себе внимание и уважение к своему внутреннему голосу и все более и более упорядочивая эмоции.

Общаясь с миром высоких материй и глубоких чувств, мы развиваемся как личности, становимся более одухотворенными.

Становясь более чувствительными, более отзывчивыми, а значит, более внимательными и более терпимыми, мы, взаимодействуя с другими людьми, замечаем чувства других и помогаем им выразить себя. Чтение также развивает нашу восприимчивость, лояльность, чувствительность, отзывчивость.

Мы становимся более интеллектуальными, если используем данный нам дар думать, размышлять, сопоставлять, читая книги, обсуждая вопросы бытия, записывая сокровенные мысли, прислушиваясь к нашей интуиции, тем самым обогащаем и расширяем наше осознание собственной идентичности. Размышления учат нас думать.

Позже мы, возможно, оглядываемся назад и видим всю простоту наших прежних мыслей, устремлений, но в процессе пути нам надо было пройти и через них, чтоб дойти до более высоких понятий. Популярное средство массовой информации внедряют в наше сознание по большей части «прикорбные» ролевые модели. И часто популярная музыка вносит свое дополнение к этим негативным ролевым моделям. Эта культура

Філософія Філософія і політологія в контексті сучасної культури
идентифицирует маскулинность с таким качествами как шалопай, нытик, эгоистичный, замкнутый на своих эмоциях, вульгарный, а фемининность – с пассивностью, ведомостью, нерешительностью, ревностью, истеричностью, капризностью. Но в каждом поколении ценятся положительные ролевые модели, так например, маскулинность идентифицируется с таким типом поведения: защищающий, отеческий, независимый, активный, а к положительным фемининным относятся: нежный, утонченный, снисходительный, интуитивный.

Наш набор гендерной идентичности – это набор, который был первоначально создан в каждом из нас нашим воспитанием. Осознавая наши личностные характеристики и гендерные модели поведения, мы приходим к выводу, что они обусловлены больше процессом воспитания, обучения, нежели врожденными качествами. И если какая-то модель поведения, социализированная в нас, нам не нравится, мы, изучив ее, в состоянии принять решение и измениться. Наши родители, сверстники, культура, возможно, привили нам некоторые модели поведения, которые нам больше не нравятся. Например, некоторые женщины были воспитаны в стереотипах покорности, зависимости, ревности, болтливости. Или мужчины воспитываются в сознании, что их гендер идентифицируется с жесткостью, грубостью, авторитарностью, эгоистичностью, вульгарностью.

Мы спрашиваем себя: какие характеристики описывают нас: нежный, агрессивный, очаровательный, прямой, открытый, организованный, зависимый и т. п.? Эксплицитно идентифицировав себя, мы можем оценить и внести изменения, которых мы желаем. Нет обязательства сохранять наши прежние гендерные установки. У нас есть возможность развиваться вне социальных конструктов.

Изменения каких-то личностных параметров приводят к изменениям в нашем воплощении маскулинности или фемининности и подобно тому, как мы заменяем или изменяем что-то в своих личностных параметрах, мы понимаем, что гендер, как отмечает Дж. Батлер в своей работе «Гендерное беспокойство. Феминизм и подавление личности», – это набор образов, это перформативный акт, набор вторичных нарративных следствий [2, с. 174–179].

В процессе социализации идентификация зрелой личности происходит по принципу гендерной самоидентификации, которая находится под воздействием социальных факторов. Дж. Батлер размышляет, если гендер это способ непрекращающейся деятельности под названием перформанс, имеющей место, осознаем мы это или нет, хотя это и не происходит механично, автоматически. Наоборот, подчеркивает исследовательница, такое действие подобно импровизации на сцене, с обязательным участием партнера. Никто не может выполнять свою партию гендера без партнера. И автором нашей партии гендера являемся мы сами.

Но, как отмечает Батлер, пребывание в каком – то конкретном гендере не обуславливает обязательное наличие желания именно такой партии гендера, и, тем не менее, это желание является образующим, конституирующим гендер и оно, таким образом, выступает в

качестве способа отделить жизнь гендера от жизни желания. Чего гендер жаждет? На первый взгляд это вопрос лишен смысла. Но мы принимаем его уместность стоит нам только осознать, что социальные нормы, конституирующие наше существование, несут в себе желания, не проистекающие из наших собственных индивидуальностей. Это еще усложняется фактом, что жизнеспособность наших индивидуальностей фундаментальным образом зависит от этих социальных норм.

Гегельянская традиция связывает желания с признанием, в основе желания всегда лежит потребность признания и только посредством опыта признания любой из нас конституируется как жизнеспособная сущность. И если наш гендер не признается социумом, то признаемся мы как человек этим социумом? Есть ли мне место в этом мире, способен ли я в таком случае выжить в мире, от которого я завишу в своем социальном существовании [3, с.33]. Если мы вырастаем из наших первоначально заложенных гендерных представлений, мы создаем новые формы отношений, любви. Решая пересмотреть свои гендерные стереотипы, субъект выходит за пределы бинарной структуры общества, он как бы расширяет свои возможности и начинает делать то, что раньше не делал. Таким образом, гендерная идентичность реализуется в публичной и частной сфере.

Современные исследователи проблемы гендерной идентичности подчеркивают, что все так называемые гендерно-ориентированные характеристики отдельно взятой личности конструируются социокультурно, и в этом не последнюю роль играют такие инструменты власти, как брак, школа, средства массовой информации, индустрия развлечений. Стремясь создать гендерно-паритетное общество, необходимо преодолеть гендерные стереотипы воспитания и поведения личности и, используя метод деконструкции, отказаться от бинарного сопоставления и поисков взаимоисключающих, контрарных характеристик мужчин и женщин. Такие ученые как Дж. Парк предлагают сравнивать и оценивать их с позиций черт, достойных восхищения – «замечательных» и черт «прискорбных», вызывающих разочарование [4].

Принимая во внимание такую классификацию, мы гендерно идентифицируем себя относительно тех личностных параметров, которые нам нравятся или не нравятся в себе, с целью дальнейшего индивидуального изменения, персонального роста для достижения нами такого идеала личности, каким мы хотим видеть себя. И на этом пути самоусовершенствования происходит реконструирование наших естественных, природой определенных, гендерно-обусловленных личностей. Следующий шаг – это принятие своей, по сути, вновь созданной, гендерной идентичности. Перед обществом, которое рассматривает всякую личность с позиции черт «достойных восхищения» и черт «разочаровывающих», стоит вопрос: как же в таком случае воспитывать личность?

Ведь именно родители закладывают первые основы всякого человеческого существования. Но некоторые родители сами находятся под ошибочным воздействием мнения, что гендерная идентичность есть устойчивая данность, как некий устойчивый набор свойств, черт,

Філософія Філософія і політологія в контексті сучасної культури
который просто обязан быть в полном комплекте. Например, если мы хотим, чтобы наш мальчик был устойчивым, независимым, организованным, надежным, рациональным, интеллектуальным, в его характере обязательно должны присутствовать как часть «обязательного» комплекта, и такие «разочаровывающие» черты как: жестокий, грубый, импульсивный, подавляющий, разрушительный, эгоистичный. Но тщательный анализ вынуждает признать, что нет никакой заранее обусловленной связи между понятием «быть независимым и предприимчивым» и «быть подавляющим и контролирующим». Только то, что эти характеристики общепринято ассоциированы с мужчинами, еще не означает, что мужчина не может быть трудолюбив без того, чтобы быть отвратительно грубым. Можно воспитать с «замечательными» чертами характера детей обоих полов, используя метод деконструкции, поощряя развитие желательных личностных качеств. (Но нельзя не заметить в связи с этим, что формируя гендер как социокультурный конструкт, семья проявляет себя в этом случае как некий инструмент власти). Вместо того, чтобы автоматически внедрять весь «пакет» традиционных фемининных черт в девочек, ученые предлагают селективным образом взрастить в них нежность, дружелюбие, уверенность в себе, умение работать в команде, стойкость, понимание других, посредством поощрения и, наоборот, искоренять в них пассивность, покорность, унылость, зависимость, низкую самооценку, робость, нытье. И опять, нет никакой естественной причинно-следственной связи между тем, что нежные девочки есть зависимые или слабые. Если вдуматься, все родители детей обоих полов хотели бы видеть своих детей именно с такими «восхищающими» чертами, а не с полным «пакетом» обязательных маскулинных или фемининных черт. И если взрослые имеют успех в повторном проектировании, изменении себя, такой же выбор может быть предоставлен нашим детям. Они будут также иметь возможность последующего репроектирования себя заново, когда станут взрослыми. Процесс социализации – это усвоение выработанных норм, в основе которых лежат гендерные стереотипы поведения. Каждый историко – философский дискурс имеет свои инструменты выражения и способы актуализации проблемы социальной идентификации личности. Пытаясь перестроить свою гендерную идентичность, зрелая личность уже знает, каких форм социокультурного воздействия следует избегать. Используя культурологический подход, изменения в эпистемологии субъектности в современном философском мышлении, мы уже знаем некоторые способы, помогающие детям развивать восприимчивость, уверенность, целенаправленность, творческий потенциал. Т. И. Власова отмечает, что гендерная философия обосновывает наличие многообразия дискурсов в современном обществе и обеспечивает концептуальную легитимность их социальной репрезентации [1, с. 270]. Если мы чтим и ценим ту сущность, которая в нас есть, то такое глубокое осознание себя, своей природы будет произрастать и процветать, а не исчезнет как нечто непригодное, ненужное в этом мире. И тогда наблюдение за поведением спортсменов будет поощрять раз-

Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія
вигляд визначених «восхищаючих» якостей, а праця в колективі
буде доповнювати особистість іншими такими ж якостями. Кожен
день формування гендерної ідентичності повинен складатися з ви-
бору. Мислячі батьки надають своїм дітям вибрати поле
діяльності, яке сформує вражаючу особистість.

Дж. Батлер зауважує, що «Я» – це той гендер, який ми
сами знаходимо в собі і який був сконструйований соціальними
нормами, і який залежить від них, але це також і наша спроба
жити таким способом, який забезпечує критичне, транс-
формативне ставлення до них [3, с. 4].

Библиографические ссылки

1. **Власова Т. И.** Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии / Т. И. Власова. – К.: Генеза, 2006. – 290 с.
2. **Butler J.** Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – NY.; L. : Routledge, 1999. – 221p.
3. **Butler J.** Undoing Gender / J. Butler. – NY.; London: Routledge, 2004. – 273 p.
4. **Park J.** Masculinity/Femininity: Loving Beyond Our Gender Personalities / J. Park. – Minneapolis, MN. – Режим доступа: www.existentialbooks.com, 2007–6th edition.

Надійшла до редколегії 27.02.2012

УДК 130.2+141.319.8

О. П. Чумаченко
НАКККіМ (м. Київ)

ДО ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ ФІЛОСОФСЬКИХ КОНЦЕПЦІЙ ТВОРЧОЇ ДІЯЛЬНОСТІ У КОНТЕКСТІ УЗАГАЛЬНЕННЯ ДАНИМИ КОНЦЕПЦІЯМИ ОСНОВНИХ ТЕНДЕНЦІЙ РОЗВИТКУ ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКОЇ КУЛЬТУРИ (СОЦІОКУЛЬТУРНИЙ КОНТЕКСТ)

Розглянуто філософські концепції творчої діяльності у контексті
узагальнення і відображення даними концепціями основних тенденцій
розвитку західноєвропейської культури (соціокультурний контекст).

Ключові слова: творча діяльність, культура, концепція.

Рассмотрены философские концепции творческой деятельности в кон-
тексте обобщения и отображения данными концепциями основных тенден-
ций развития западноевропейской культуры (социокультурный контекст).

Ключевые слова: творческая деятельность, культура, концепция.